

Дмитрий Близнюк

МУРАВЬИ В ПЛАВКАХ

утро начинается неожиданно.
возле метро подросток
в грязном костюме страуса,
пританцовывая, привлекает ротозеев в секонд-хенд,
непринужденно чешет пах, стреляет сигарету,
а напротив, за стеклом кафетерия,
рыжая и прозрачная, как креветка, Ева
завтракает круассанами с яблочным пюре
(не забыть купить тест на беременность — крутится в ее голове).
утро начинается неожиданно,
напуганный мальчик-китаец плачет —
возле супермаркета украли велосипед,
жаль пацана —
так пальцем загибаешь шип на канцелярской кнопке:
я все еще человек-сочувствующий.

жара несусветная, но с запада надвигаются тучи
(похожи на чернослив), вязнут в глазах.
щелчки кондиционера — энцефалитный клещ:
присосался к стене, трубка торчит,
точно катетер мочеполовой системы
парализованного миллионера.
город — безумный, больной осетр —
нерестится недоразвитыми сюжетами.
вот фотогеничная, как копченая скумбрия, красotka
возле парковки, роется в сумочке, находит ключи,
садится в машину, вкладывает прокладку в трусики —
думает, что ее никто не видит.

но никто и ничто не скроется от всевидящего ока Саурана,
гноящегося, как у дворового кота.
троллейбус, выгнувшись, замер
у поворота, выпустил бедных людей —
так самка богомола откладывает яйца
на стебель травы. но спешат муравьи
событий, судьбы...

●

мои черновики — ржавые катамараны, —
я к вам никогда не вернусь.
уже не коснется ваших педалей уверенная ступня,
а речка обмелела — зеркальный обмылок волшебства.
остроконечное войско камыша душит течение,
медленное, как пульс кашалота. а помнишь?
извилистая замшелая тропа тянется к реке.
мы — муравьи в плавках,
и нас обвил длинный клейкий язык муравьеда.
втягивает нас со скоростью счастья, солнечного дня.
мы обрызганы бессмертием, как аэрозольной смесью
от укусов комаров.
будто карета мага въехала колесом в лужу
и обрызгала нас.
зачаровала важных сопляков
с надувным мячом и удочкой.

о беззаботное время черновииков!
лежишь в ночном поле, как на спине черного коня,
а над тобой дрожат звезды — сельдь в сетях,
или вспухает огнями безымянный вечер.
собор в закатных лучах — каменный одноухий заяц,
залитый морковным соком. стущается темнота,
медленное скольжение фар на дороге — конькобежцы
разгоняются, увеличиваясь в размерах;
руки, сомкнутые за поясницами, пока не врезаются в твердую стену,

и, грациозно опрокинувшись, скользят уже по небу,
растворяясь в мошкаре фиолетовых зыбей...
черновики людей, черновики стихов.
ошибки, которые не горят. которые жаль сжечь.
и Брэдбери с огнеметом сидит на стуле в пустой квартире,
задумчиво листает пухлую пачку, формат А4...

●

это время магии. рассвет приходит тихо и обыденно,
как привидение с ночной смены.
и летят над гаражами два журавля,
тихие и величественные, будто влюбленные беспилотники.
розовая пантера зевает, сует нос розовый под двери.
мой мир, исполненный надежд и разочарований,
сероватый, сетчатый свет — черно-белые снимки морских крабов,
гигантские шершавые клешни, кухонные раковины.
и пролесок с заводской трубой за окном —
бурый бородач с прилипшей к губе сигаретой.
а сын еще спит, лопухий верблюжонок...
одеяло сползает с сознания, клубящееся облаками, горячий шелк,
просыпайся, обреченный на жизнь, на счастье и разочарования.
гладиаторы разума уже просеивают песок в Колизее —
чтобы без камушков, без выбитых зубов
и какашек львов.
ну здравствуй, новый день...

рассвет, как выдохшийся кофе.
и пианист в черном костюме, присыпанном белой пылью,
играет на рояле
на третьем этаже разрушенного после бомбардировки дома.
нет трех стен, из ванной хлещет вода —
эмалированный кит с кирпичами,
и Брамс — круглоглазый ленивец — на трех когтях
висит на стволе из арматуры, испуганно смотрит в небо...
а бензоколонки сновидений еще парят в облаках,

— [НО] —

неземная осень висит над старым мостом железнодорожным,
как пыльно-коричневое чучело рыси над старым камином.
октябрь, звеня тяжелым позвоночником,
щедро насыпает гудки паровозные в котелки
удирающих птиц.
дымчатое рагу осени с мазутной подливой...
кушать подано — садись жрать, землянин...